

Особенности переводов и исследований китайской классической поэзии в России

Чжан Шуцзюань¹, Ян Фэнъюй², Е. И. Митькина³

¹ Шаньдунский университет,

Китайская Народная Республика, 266237, Циндао, Цзимо, ул. Биньхай, 72

² Китайский университет иностранных дел,

Китайская Народная Республика, 100037, Пекин, ул. Чжаньлань, 24

³ Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Чжан Шуцзюань, Ян Фэнъюй, Митькина Е. И. Особенности переводов и исследований китайской классической поэзии в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2024. Т. 16. Вып. 1. С. 72–80.

<https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.105>

История изучения китайской классической поэзии в России насчитывает уже несколько веков, оно самобытно, имеет свои яркие отличительные особенности и занимает особое место в мировой китаистике — так было всегда: и в царской России, и в советский период, и в настоящее время. В данной статье распространение китайской классической поэзии в России системно рассматривается с таких сторон, как взаимодействие переводчиков и исследователей, переводов и трудов о поэтах, писателях и их произведениях, а также переводческие принципы и разные аспекты исследований, их своеобразие, модели сотрудничества. Данная статья показывает такие особенности исследования китайской классической поэзии, как уделение большого внимания ее переводу, непрерывное изучение принципов перевода с таких сторон, как рифма, ритм, форма, средства, задачи и читательская аудитория, сочетание перевода и научного исследования, создание научных терминов, модель сотрудничества, при которой китаеведы и поэты совместно осуществляют перевод. В работе отмечается, что существуют две важные цели для России и российской науки при переводе и исследовании китайской классической поэзии: во-первых, они могут служить обогащению как китайской, так и русской литературы; во-вторых, с их помощью можно вводить китайскую поэзию в контекст развития российской и мировой культуры. Российские переводчики и ученые-синологи продолжают и впредь вносить свой вклад в распространение китайской поэзии, делать ее частью мировой литературы.

Ключевые слова: китайская классическая поэзия, российская синология, особенности изучения, переводческие принципы, рифма, ритм, китаеведы, история переводной литературы.

Китай — страна поэзии, поэзия — это самая яркая звезда китайской литературы. Многие российские китаеведы и поэты рефлексировали на тему великолепной классической поэзии Китая. В. М. Алексеев говорил, что «поэзия — это сердце китайской культуры»; Гете отмечал, что он «все больше верит, что поэзия — это общее достояние человечества» [1, с. 26]; Поль Демьевиль писал, что «в Китае по-

эзия повсюду»; О. М. Городецкая¹ утверждала: «В стихах заключена квинтэссенция китайской цивилизации» [2, с. 5]. По мнению этих авторов, китайская поэзия — это «удивительный цветок восточной культуры» и «чудесное произведение искусства». В России проводились многоуровневые, разносторонние исследования классической поэзии Китая. Если считать, что стихотворение Су Ши «Тень», переведенное А. А. Фетом в середине XIX в., — это самое раннее китайское стихотворение, пришедшее в Россию, то к настоящему моменту история перевода китайской поэзии имеет полуторавековую историю. Изучение китайской классической поэзии в России самобытно, имеет свои яркие, отличительные особенности и занимает особое место в мировой китаистике — так было всегда: и в царской России, и в советский период, и в настоящее время.

От «Книги песен», поэмы «Лисао», народных песен *юэфу*, поэзии Цао Чжи, Тао Юаньмина, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Ван Вэя и до антологий поэзии Шести династий, эпохи Тан и Сун, сборников стихов в жанре *цы*, а также минской поэзии — в России уже в основном сформировалась система перевода китайской классической поэзии. Целые поколения китаеведов занимались ее переводом в разных сферах, для самых важных произведений и знаковых поэтов уже существуют достаточно надежные переводы. Основные переводы классической китайской поэзии относятся к советскому периоду, за исключением перевода «Шицзина», выполненного В. П. Васильевым в царской России. Руководящую роль в этом процессе сыграл В. М. Алексеев. Под его началом Ю. К. Щуцкий встал у истоков переводов классической поэзии, а русские китаеведы с самого начала вывели такой перевод на уровень академического исследования, выработали первоначальные принципы и практику перевода рифм и ритма, составления комментариев. Эти принципы положили начало долгосрочному и непрерывному изучению перевода китайской классической поэзии учеными последующих поколений.

Главной характерной чертой русских переводов китайской классической поэзии является то внимание, которое российские китаеведы уделяют именно переводу. Это отражается во множестве вариантов перевода, к тому же полных текстов; в выборе стихов для антологий; в акценте на обсуждении принципов перевода и других аспектах. Переводы классической китайской поэзии имеют разные исторические особенности в зависимости от периода создания, изучение принципов перевода также идет в ногу со временем. Перевод «Книги песен» преследовал разные цели и задачи. В. П. Васильев переводил «Шицзин» для нужд преподавания, А. А. Штукин вывел это произведение на уровень академического перевода-исследования, а М. Е. Кравцова интерпретировала его с культурологической точки зрения. Четыре варианта перевода поэмы «Лисао» свидетельствуют о том, что лучшие произведения китайской литературы постепенно становятся достоянием мировой культуры. Многочисленные сборники поэзии Ли Бо, выполненные С. А. Торопцевым, являются наиболее замечательными российскими достижениями в переводах китайской классической поэзии на современном этапе. Он один перевел более

¹ Современный российский китаевед, вместе с А. И. Кобзевым, Д. Н. Воскресенским, Б. Л. Рифтиным работала над изданием романа «Цветы сливы в золотой вазе» (1994) в переводе В. С. Манухина, О. М. Городецкая переводила стихи из романа. В журнале «Восток» (2006, № 6) опубликовала статью «Поэтика иероглифа» [2], это еще одна важная работа, посвященная принципам перевода китайской поэзии.

половины всех произведений Ли Бо, его блестящие переводы позволили глубже изучить творчество этого поэта. Как раз в то время, когда мы расстраивались, что многие произведения Ду Фу не имеют новых переводов, в России вышли новые переводы его поэзии. В советский период Л. З. Эйдлин издал пять сборников стихов Бо Цзюйи, кроме того, многие другие китаеведы также издали свои переводы с комментариями. В новом веке А. И. Кобзев и Н. А. Орлова продолжили перевод поэтического творчества Бо Цзюйи и опубликовали ряд исследовательских работ.

Китаеведы непрерывно изучают принципы перевода китайской классической поэзии. Все они, от Ю. К. Щуцкого, В. М. Алексева, Л. З. Эйдлина, Л. Н. Меньшикова, В. Ф. Перелешина до С. А. Торопцева, И. С. Смирнова, М. Е. Кравцовой, Н. М. Азаровой и О. М. Городецкой, системно исследовали такие проблемы, как рифма, ритм, форма, средства художественной выразительности, задачи и читательская аудитория русских переводов китайской поэзии. Ими также были опубликованы академические работы по данным вопросам. Мы выяснили, что абсолютное большинство переводчиков обращают особое внимание на воспроизведение рифмы. В ранних переводах И. С. Смирнов также уделяет внимание рифме, в то время как Л. З. Эйдлин с самого начала не одобрял ее использование. Н. И. Конрад однажды сказал: «...не могу допустить отсутствие русской рифмы в переводе с тех языков, где стих строится на рифме» [3, с. 37]. Л. Н. Меньшиков утверждал: «Не последнюю роль в китайской поэзии играет не только рифма как таковая, но и расположение рифм» [4, с. 18]. О. М. Городецкая также пишет: «Условие отказа от рифмы считаю наиболее нелепым. С одной стороны, источник, т. е. китайская поэзия, предельно рифмован; с другой стороны, в русской словесности до сих пор мало прижилась даже авторская нерифмованная поэзия» [2, с. 12]. Однако нельзя отрицать, что существует немало ученых, согласных с принципами перевода Л. З. Эйдлина, и О. М. Городецкая считает, что благодаря этому Эйдлин и создал собственную переводческую школу. Переводы Н. А. Орловой поэзии Бо Цзюйи обладают не только аккуратным слоговым рисунком, но и правильной рифмой.

Ритм в переводе так же важен, как и рифма. Практически все китаеведы придают большое значение ритму поэзии, так как именно его наличие или отсутствие составляет сущностное отличие поэзии от прозы. В. М. Алексеев отказался от рифмы в пользу ритма. И хотя переводы Л. З. Эйдлина не рифмованы, в них силен ритм. В переводах Л. Н. Меньшикова сохраняются как рифма, так и ритм. В большинстве случаев он использует вариант, при котором одна стопа соответствует одному китайскому слогу, в стихотворении из пяти иероглифов — пять стоп, из семи — семь, чаще всего применяются дактиль и амфибрахий. Ю. К. Щуцкий также использовал вариант трехсложной стопы, а И. С. Смирнов пользуется этой формой больше потому, что она более гибкая, чем дактиль или амфибрахий. В. Ф. Перелешин и С. А. Торопцев в основном применяют ямб. В настоящее время китаеведческие круги России больше задаются вопросом, добавлять ли поэтические строки. Излишне говорить, что количество строк тесно связано с ритмом поэзии. С. А. Торопцев, В. Ф. Перелешин, О. М. Городецкая, Н. М. Азарова и Н. А. Орлова не являются сторонниками добавления стихотворных строк, полагая, что как раз лаконичные короткие стихотворения придают очарование китайской поэзии. В. Ф. Перелешин был особенно против добавления строк: «Растягивать стихи и делать из них пересказ, не ограниченный никакими принципами, — значит не только не стремиться

к «адекватности впечатления», но ослаблять, а то и вовсе убивать всякое впечатление» [5, с. VI]. О. М. Городецкая также полагает, что «принцип передачи числа иероглифов количеством ритмических стоп все же приводит к одному нежелательному эффекту. Столь длинные строки в русской поэзии воспринимаются тяжеловесными, что не соответствует китайскому оригиналу» [2, с. 11]. Она предлагает использовать короткие строки: «...чем короче строка и жестче ритм, тем звучание будет ближе к звучанию исходного оригинала» [2, с. 11]. О. М. Городецкая использовала этот метод для перевода «Оды о переселении племени чжоу» из раздела «Книги песен» «Великие оды», «Оды великой радости любовного соития Неба и Земли, тени и света» Бо Синцзяня и стихотворений из романа «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй». Она утверждает, что этот метод лучше раскрывает повторы внутри стихотворной строки, то есть ритм. Естественно, этот метод не подходит для таких длинных стихов, как *юэфу*.

Изучение китайской классической поэзии в России особо акцентировано на сочетании перевода и научного исследования. Это проявляется в переводе и исследовании «Шицзина», выполненном В. П. Васильевым, и в работах В. М. Алексеева, посвященных стансам Сыкун Ту, а также в его переводах «Оды изящному слову» Лу Цзи, «Трактата о стильном произведении» Цао Пи, «Оды поэмам» Юань Хуана; в переводах Л. З. Эйдлина поэзии Тао Юаньмина; в переводе Н. Т. Федоренко поэмы «Лисао» и в его исследованиях Цюй Юаня; в переводах народных песен *юэфу* Б. Б. Вахтина; в переводах и исследованиях Л. Е. Черкасского поэзии Цао Чжи и т. д. Изучение классической поэзии в новое время унаследовало эту прекрасную традицию. Переводы и исследование жизни и творчества Ли Бо С. А. Торопцевым, новый комментированный перевод «Шицзина» М. Е. Кравцовой, перевод минской поэзии И. С. Смирновым и обсуждение им ряда вопросов китайской классической поэзии, изучение О. М. Городецкой поэтических принципов Чжан Хэна в его «Оде о возвращении к полям», перевод Н. А. Орловой поэзии Бо Цзюйи и исследование поэтических особенностей его четверостиший и русских переводов его произведений — все это является продолжением традиции, заложенной В. М. Алексеевым. Благодаря точности и большому количеству переводов стало возможным проводить исследования на более глубоком уровне. Если бы В. М. Алексеев не сделал настолько точного перевода «Поэмы о поэте» Сыкун Ту, то не возникло бы столько вопросов, сомнений и подходов. Не найдя информации о жизненном пути Тао Юаньмина в исторических книгах, составленных более поздними поколениями, и в трудах китайских ученых, Л. З. Эйдлин обнаружил много сведений в результате тщательного перевода его стихотворений. Столкнувшись с проблемами в процессе исследования творчества Ли Бо, С. А. Торопцев полагал, что единственный способ решить их — это выполнить точный, практичный перевод. В России изучение классической китайской литературы и ее перевод тесно связаны между собой. Исследования становятся глубже благодаря точности переводов, а перевод обретает новые формы благодаря проведению исследований с различных позиций.

Изучение китайской классической поэзии в России по-прежнему сочетает в себе перевод, комментарии и исследование. Комментарии занимают важное место в переводах и научных трудах. В китаеведческих кругах вызвали дискуссии вопросы о том, следует ли давать комментарии, должны ли они быть подробными или краткими. Все эти вопросы ставили в тупик В. М. Алексеева и последующие

поколения ученых. Своеобразие культуры Китая, особенности иероглифического письма и накопленная тысячелетиями научная традиция вызывают у большинства китаеведов мысль о том, что комментарии необходимы. В. М. Алексеев, Л. З. Эйдлин, С. А. Торопцев, И. С. Смирнов, М. Е. Кравцова и другие снабжали свои переводы подробнейшими комментариями. Раскрытие очарования китайской классической поэзии, помощь в научных исследованиях — в этом заключается важность комментариев в работах китаеведов.

Российские исследования китайской классической поэзии основаны главным образом на научном подходе китаеведческой школы В. М. Алексеева и его учеников. В том, что касается переводов и исследований китайской поэзии, Алексеев был прежде всего ученым, во вторую очередь — переводчиком и только затем — поэтом. Будучи ученым и поэтом, он возводит перевод классической поэзии на уровень академического исследования. Лучшим примером и доказательством этого является его дословный перевод «Поэмы о поэте» Сыкун Ту и комментарии к нему. Его ученик и один из выдающихся последователей Л. З. Эйдлин придерживался такого же метода при переводе стихов Тао Юаньмина, чье творчество он исследовал. В новое время на этой же научной традиции школы Алексеева базируются переводы и исследования древнекитайской поэзии Л. Н. Меньшикова, переводы произведений Ли Бо и других поэтов С. А. Торопцева, переводы и исследование творчества Бо Цзюйи Н. А. Орловой.

Существуют разные формы перевода в зависимости от его целей. Другими словами, перевод может быть свободным, его еще иногда называют творческим. Обычно этим переводческим методом пользуются профессиональные поэты, например А. И. Гитович, А. А. Ахматова, А. Е. Адалис, С. П. Бобров и др. Такого рода перевод обращен к широкой публике, он краткий, понятный, читатель с легкостью принимает его. Другой тип перевода — дословный, или точный, в нем красота переводимого языка зачастую теряется из-за нарушения привычных норм, а аудитория относительно ограничена, однако именно такой переводческий метод не только помогает читателю ответить на вопрос, что хотел сказать автор, но и раскрывает, как именно он это говорит. В. М. Алексеев и многие его последователи применяли именно этот метод, их целью было исследование китайской классической поэзии, а научное исследование возможно проводить только с помощью точного перевода.

Еще одной характерной чертой изучения китайской классической поэзии в России является внимание, уделяемое созданию научных терминов. Раньше других этим начал заниматься В. П. Васильев, который первым осознал отсутствие эквивалентности русских и китайских терминов. В своих работах он предложил свои пути решения. Он использовал слово «изыщная словесность» для обозначения китайского термина 文学 *вэнь*, а слово «поэма» — для термина 赋 *фу*, а иногда напрямую применял транслитерацию и записывал этот термин «фу». В. М. Алексеев продолжил разработку и исследование понятийного аппарата: например, словом «станс» он обозначил 品 *пинь*, а словом «фазис» — 阶段 *цзедуань*. Кроме того, он применял слово «конкорданс» для обозначения таких словарей, как «Пэйвэнь юньфу» (佩文韵府), потому что русские читатели никаким образом не могли связать слово «словарь» и смысл, заложенный в этом словаре аллюзий. Последователи научной синологической школы В. М. Алексеева, упоминавшиеся ранее исследователи теории китайской классической литературы Л. Н. Меньшиков, И. С. Лисевич,

К. И. Голыгина, М. Е. Кравцова, А. И. Кобзев и другие глубоко познали процессы развития китайской литературы и в своих работах высказывали собственную точку зрения по поводу терминологии. Российские китаеведческие круги давно уделяют особое внимание изучению терминов, что тесно связано с академической традицией, созданной В. М. Алексеевым. Его исследование «Поэмы о поэте» Сыкун Ту — это прежде всего исследование теоретических терминов и идейного содержания китайской литературы. В. М. Алексеев в своих переводах раскрывал для читателя особенности поэтической формы *фу*, Б. Б. Вахтин и И. С. Лисевич представили точные переводы и тщательные исследования народных песен *юэфу*, а Е. А. Серебряков посвятил множество работ изучению стихосложения в жанре *цы*. Все это дало китаеведам основание верить, что, только поняв особенности определенного литературного стиля и смысл литературных терминов, они смогут представить их читателям и проводить дальнейшую исследовательскую работу.

Другой отличительной чертой изучения китайской классической поэзии в России является модель сотрудничества, при которой китаеведы и поэты совместно осуществляют перевод. Такую модель применял еще академик В. М. Алексеев. В 1919 г. он вместе с Н. С. Гумилевым читал лекции в литературном обществе, созданном при издательстве «Всемирная литература». Алексеев планировал издать сборник поэтических переводов лучших китайских поэтов, и, естественно, в соответствии с его требованиями перевод тоже должен был быть лучшим, поэтому он собирался попросить Гумилева заняться литературной обработкой стихов. Поэт вместе с Ю. К. Щуцким и Б. А. Васильевым слушал лекции Алексеева, и нам известно, что Гумилев с воодушевлением воспринял такую невиданную ранее модель сотрудничества. Алексеев закончил отбор произведений и выполнил их первоначальный дословный перевод. Однако один из руководителей издательства «Всемирная литература» сказал, что в этом «нет практического значения», и, таким образом, этот новаторский сборник, стихи в котором должны были быть переведены совместно двумя крупными специалистами, не состоялся. Если бы эту антологию опубликовали, то она стала бы первым изданием классической поэзии, выполненным по модели сотрудничества китаеведа и поэта. Позднее этот метод все-таки был использован для перевода китайской поэзии. Совместный перевод поэмы Цюй Юаня «Ли Сао» Н. Т. Федоренко и А. А. Ахматовой уже стал замечательной историей в научных кругах. Переводы стихов Ду Фу, Ли Бо и Ван Вэя, выполненные Г. О. Монзелером и А. И. Гитовичем, стали лучшим воплощением этой модели. Стихи Ван Вэя в переводе В. Т. Сухорукова и А. А. Штейнберга получили высокую оценку И. С. Смирнова. Кроме того, И. С. Лисевич и украинский поэт Валерий Илья совместно перевели стихи Ли Бо на украинский язык. Поэтесса А. Е. Адалис сотрудничала с Н. Т. Федоренко и другими китаеведами, вместе они перевели стихотворения «Вопросы к Небу», «Фея реки Ло», «Ода о Цзы-сюе» и другие. Поэт-переводчик А. М. Арго переводил стихи Сун, Мин и других эпох. Такая форма перевода периода Советской России до сих пор признается академическими кругами. В. Т. Сухоруков и Е. В. Витковский совместно переводили стихи Су Ши, И. С. Лисевич и писатель Э. В. Балашов перевели около 30 стихов Ли Бо и Ду Фу, и до сих пор их перевод считается очень хорошим. Благодаря этому мы верим, что китайская поэзия в России не только для китаеведов. Они построили мост передачи китайской поэзии российской общественности, их роль следует признать всем.

Еще одной важной целью российских переводов и исследований китайской классической поэзии является стремление обогатить литературу своей собственной страны и написать историю переводной литературы. В настоящее время многие китайские ученые, особенно Се Тяньчжэнь, представитель китайского перевода, призывают дополнить историю китайской литературы, включив в нее историю переводов. А в России такие взгляды высказывались еще за сто лет до этого, в 1896 г., в изданном в царское время первом сборнике китайской поэзии. Издатели написали в предисловии: «Возможно, конечно, что мы и пропустим что-либо из имеющихся уже в русской литературе переводов, которыегодились бы для наших целей, но в предупреждение упрека с этой стороны мы можем сказать, что нами потрачено много лет на тщательное соби́рание библиографических материалов по части русской переводной литературы, и притом при неблагоприятных условиях жизни в провинции» [6, с. 4]. В. Грубе в своей книге «Духовная культура Китая: литература, религия, культ» писал о переводе китайской литературы: «Постепенно возникла богатая переводная литература, об объеме которой можно судить по тому, что за период времени от 67 до 1285 г. были переведены на китайский язык не менее 1440 священных книг буддийского вероучения» [7, с. 54]. Аналогичную мысль высказала и О. М. Городецкая в своей статье: «Будучи ориентированной на новизну в искусстве, а не на традицию, наша культура порой не прочь сбросить балласт былого с виртуальных ракет современности, но чем дальше “шаг вперед и два назад”, тем чаще и глубже она обращается вспять... В такую эпоху особо значимой становится роль переводчика и “толмача”, а перевод оказывается обоудоблагородным делом. С одной стороны, он является эмиссаром иной культурной традиции, распространяющим ее достижения за пределы лингвистических границ и служащим делу воскресения ее из мертвых. А с другой стороны, обогащает и дает новые импульсы развитию отечественной цивилизации, давно утратившей автохтонную самодостаточность» [2, с. 5–6]. С 1995 по 1996 г. в России издавалась «История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век» (в двух томах), однако, к сожалению, китайская литература не была там представлена, и даже не было ни одного стихотворения из «Шицзина», который довольно давно известен российскому читателю. Мы верим, что с течением времени, когда Россия продолжит писать историю своей литературы, китайская поэзия или — даже шире — китайская литература обязательно станет неотъемлемой частью истории российской переводной литературы.

Изучение китайской классической поэзии в России движется по пути, изначально проложенному В. М. Алексеевым, и демонстрирует свой собственный, уникальный стиль, отличающийся от европейского и американского китаеведения и их исследований Востока, иероглифов и культуры. Сегодня, когда упор делается на современные интерпретации традиционной культуры, российские исследователи классической поэзии в новую эпоху развили теорию Алексеева и неуклонно прикладывают усилия для того, чтобы ввести китайскую поэзию в контекст российской и мировой культуры. Они продолжают и впредь вносить свой вклад в распространение китайской поэзии на арене мировой литературы.

Российское китаеведение до сих пор сохраняет интерес к переводам и исследованиям китайской классической поэзии и прикладывает немало усилий для этого. Стихи Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи получили новое признание в современную эпоху,

китаеведы заново переводят их, за переводами стоят исследования, тесно с ними связанные. Кандидатская диссертация Л. З. Эйдлина «Четверостишия Бо Цзюйи» не издана до сих пор, однако в настоящее время включена в планы проекта «Архив российской китаистики»². Переводы всех трех поэтов были выполнены в рамках различных проектов китайского и российского правительства, что свидетельствует об их внимании, уделяемом китайско-российскому поэтическому обмену в новую эпоху, и уровне поддержки. С наступлением новой эры мы ожидаем, что Китай и Россия смогут расширить контакты и сотрудничество разными способами, будет публиковаться больше академических работ, посвященных переводу и изучению китайской классической поэзии, чтобы как можно больше российских читателей смогли понять традиционную культуру Китая, а китайская поэзия, эта яркая часть мировой культуры, начала распространяться еще активнее. А без интерпретации российских читателей этот процесс будет неполным и неинтересным.

Литература

1. 钱林森. 中国文学在法国. 广州: 花城出版社, 1990. 404页. [*Цянь Линьсэнь*. Китайская литература во Франции. Гуанчжоу: Хуачэн, 1990. 404 с.]. (На кит. яз.)
2. Городецкая О. М. Поэтика иероглифа // Восток. 2002. № 6. С. 5–24.
3. Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 544 с.
4. Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова / пер. с кит. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 304 с.
5. *Перелешин В.* Стихи на веере. Антология китайской классической поэзии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970. 41 с.
6. Китай и Япония в их поэзии. СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1896. 67 с.
7. Грубе В. Ф. Духовная культура Китая: литература, религия, культ / пер. с нем. П. О. Эфрусси. СПб.: Акционерное издательское общество «Брокгауз-Ефрон», 1912. XIV, 237 с.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2023 г.,
рекомендована к печати 9 января 2024 г.

Контактная информация:

Чжан Шуцзюань — канд. филол. наук; intozsj@163.com

Ян Фэнъюй — магистрант; yangfengyu2000@163.com

Митькина Евгения Иосифовна — канд. филол. наук; e.mitkina@spbu.ru

² Из переписки автора данной статьи Чжан Шуцзюань и Н. А. Орловой.

Characteristics of Translation and Research of Chinese Classical Poetry in Russia

Zhang Shujuan¹, Yang Fengyu², E. I. Mitkina³

¹ Shandong University,

72, Binhai Road, Jimo, Qingdao, 266237, China

² China Foreign Affairs University,

24, Zhanlan Road, Beijing, 100037, China

³ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Zhang Shujuan, Yang Fengyu, Mitkina E. I. Characteristics of Translation and Research of Chinese Classical Poetry in Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2024, vol. 16, no. 1, pp. 72–80. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.105> (In Russian)

The study of Chinese classical poetry in Russia dates back several centuries, it is original, has its own bright, distinctive features, no matter in the period of Imperial Russia, the Soviet Union, or contemporary Russia, it always occupies a unique position in the world's sinology field. In this article, the spread of Chinese classical poetry in Russia is systematically considered from such aspects as the interaction of translators and researchers, translations and works about poets, writers and their works, as well as translation principles and various aspects of research, originality, models of cooperation. This article points out that the study of Chinese classical poetry in Russia attaches great importance to translation, to the exploration of translation principles from the perspectives of rhyme, rhythm, form, paragraphs, tasks, and readers, to the combination of translation, annotation, and research, to the construction of academic terms, and the cooperative mode of poetry translation between Russian sinologists and poets. The paper notes that there are two important goals for Russia and Russian science in translating and researching Chinese classical poetry: firstly, they can serve to enrich national literature and write the history of Russian literature too; secondly, they can be used to introduce Chinese poetry into the context of the development of Russian and world culture. Russian translators and Sinologists-researchers will continue to contribute to the spreading of Chinese poetry and make it a part of world literature.

Keywords: Chinese classical poetry, Russian sinology, research characteristics, translation principles, rhyme, rhythm, Sinologists, history of translated literature.

References

1. Qian Linsen. *Chinese literature in France*. Guangzhou, Huacheng chubanshe, 1990. (In Chinese)
2. Gorodetskaya O. M. Poetics of the hieroglyph. *Orient*, 2002, no. 6, pp. 5–24. (In Russian)
3. Konrad N. I. *Unpublished works. Letters*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 1996. (In Russian)
4. Chinese poetry in the translations by Lev Menshikov, transl. by L. N. Menshikov. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2007. (In Russian)
5. Pereleshin V. *Poems on the fan. Anthology of Chinese Classical Poetry*. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1970. 41 p. (In Russian)
6. *China and Japan in their poetry*. St. Petersburg: Ya. I. Lieberman Publ., 1896. (In Russian)
7. Grube V. F. *Spiritual culture of China: Literature, religion and cult*. St. Petersburg, Aktsionernoe izdatel'skoe obshchestvo "Brokgauz-Efron" Publ., 1912. XIV, 237 p. (In Russian)

Received: June 25, 2023

Accepted: January 9, 2024

Authors' information:

Zhang Shujuan — PhD in Philology; intozsj@163.com

Yang Fengyu — Master Student; yangfengyu2000@163.com

Evgenia I. Mitkina — PhD in Philology; yevgeshamit@yandex.ru